

УДК 94(477.75)

«Занимаются торговлею,
ремеслами, маклерством, а главное,
водочною и другою питейною
продажею...»: евреи Таврической
губернии, питейный промысел,
проституция и антисемитизм
в российском обществе во второй
половине XIX – начале XX века

Дмитрий Анатольевич Прохоров

Крымский Федеральный университет,
Симферополь, Россия

ORCID: 0000-0001-9162-4705

Старший научный сотрудник, доктор исторических наук
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского»

295007, Республика Крым, г. Симферополь,

пр. Академика Вернадского, 2

E-mail: prohorov1da@yandex.ru

DOI 10.31168/2658-3356.2022.6

Аннотация. В статье проанализирован комплекс архивных документов и материалов, законодательных актов и положений, а также данных статистики, связанных с занятостью еврейского

населения в питейном промысле, рассмотрены формы, масштабы, а также степень вовлеченности в него евреев Российской империи в целом и Таврической губернии в частности во второй половине XIX — начале XX века. Для выявления «нравственной и экономической деятельности евреев, вредно влияющей на быт коренного населения», в российских регионах создавались губернские комиссии по еврейскому вопросу, предоставлявшие правительству свои предложения по указанной проблеме. Прослежены меры, с помощью которых осуществлялись попытки законодательно регулировать питейную торговлю в России. Кроме того, исследуются общественные настроения, направленные против маргинализации части еврейского общества, приводившей к негативным трансформациям социальной структуры еврейской общины, а также к распространению и усилению антисемитизма в российском социуме. С помощью архивных документов, часть из которых вводится в научный оборот впервые, выявлены сведения о евреях, занимавшихся питейным промыслом и проституцией в Таврической губернии.

Ключевые слова: Крым, евреи, питейная торговля, проституция, антисемитизм, законодательство

В предлагаемой публикации предпринят анализ основных факторов, повлиявших на формирование общественного мнения о евреях в российском социуме во второй половине XIX — начале XX века (на примере Таврической губернии), отдельные проявления которого нашли отражение на страницах губернской печати. Например, в «Тавриде», одной из первых частных газет, издававшихся в регионе, печатались статьи и заметки представителей общественности и интеллектуальной элиты губернии, в которых широко освещался «еврейский вопрос», при этом зачастую не только подвергались критике действия властей по предупреждению еврейских погромов, но и обсуждались меры по преодолению «вредной» экономической деятельности евреев. Непосредственно в фокусе данного исследования — аргументация и риторика участников дискуссии, принимавшие различные

формы по мере ужесточения антиеврейского законодательства в стране и на фоне усиления антисемитских настроений в обществе. Выявленные в Государственном архиве Республики Крым (г. Симферополь) документы, большая часть из которых вводится в научный оборот впервые, демонстрируют масштабы вовлеченности евреев Таврической губернии в питейную торговлю во второй половине XIX — начале XX века, а также иллюстрируют процесс маргинализации части еврейского населения, что привело к негативным трансформациям социальной структуры еврейской общины.

О евреях, проживавших в Таврической губернии, в официальных российских печатных изданиях середины XIX века сообщалось, что они «занимаются торговлею, ремеслами, маклерством, а главное, водочною и другою питейною продажею <...> с некоторого времени занялись они и другими видами промышленности, содержанием почтовых станций и мелкими подрядами» [Военно-статистическое 1849: 104]. При этом отмечалось, что евреи Таврической губернии отличаются от евреев западных губерний России:

...нельзя не заметить их сильного стремления выйти из племенной замкнутости и слиться с господствующим русским населением. Каждому известно стремление здешних евреев говорить по-русски, так что часто встречаются еврейские семьи, дети которых едва знакомы с еврейским языком. С другой стороны, о характерном еврейском костюме, бритых головах замужних евреек и других наружных отличиях западных евреев здесь ничего не известно; здешние евреи по костюму ничем не отличаются от остального городского населения <...> здешние раввины далеко не похожи на фанатиков раввинов западных губерний [Труды 1884: 516-517].

Общий тон высказываний о евреях-раввинистах в российских печатных изданиях середины — второй половины XIX века носил скорее негативный характер. Например, утверждалось, что проживавшие в западных губерниях Российской империи «евреи

составляют самое вредное народонаселение» и хотят «всеми средствами разбогатеть за счет принявшего их народа» (подразумевалась миграция евреев в Россию из Галиции и Герцогства Варшавского после раздела Польши) [Военно-статистическое 1848: 33]. Что касается евреев, проживавших на юге России, то утверждалось, что лишь некоторые из них «стремятся стать в числе передовых в стремлении к общеевропейскому образованию», остальные же мало отличались от своих единоверцев, проживавших в других губерниях, так как занимались «с той же лихорадочной деятельностью и какой-то неестественной торопливостью торговлей, крупной и мелкой промышленностью, ремеслами и факторством» [Памятная 1867: 202]. А сравнивая отличительные черты караимов и евреев, один из авторов делал вывод, что «караимы народ бодрый, серьезный, честный, справедливый, веселый, миролюбивый, чистоплотный, разумный и деспот, чрезвычайно преданный своему хозяйству. Всех этих качеств нельзя найти в евреях» [Кондараки 1875: 7].

Подобные высказывания могут объясняться действовавшим в Российской империи в XIX веке антиеврейским законодательством и юдофобскими воззрениями в части российского общества. В официальных документах также встречались рассуждения антисемитского толка, что обуславливалось в том числе и принятием ряда законов и положений о гражданских правах караимов, которые отстаивали в многочисленных прошениях, направленных в адрес представителей местной и высшей российской администрации, свои отличия от приверженцев талмудического иудаизма. Например, 11 декабря 1850 года в «Высочайше утвержденном мнении Государственного Совета» о «невоспрещении евреям-караимам продажи горячих напитков и жительстве по деревням и селениям» упоминалось, что караимы

...стремятся к оседлой жизни и сближению с обычаями местных жителей, занимаются охотно земледелием и известны своим трудолюбием и строгостью правил жизни. <...> По сим уважениям правительство всегда их отличало [от евреев-раввинистов], а закон присвоил им некоторые преимущества [ПСЗРИ 1851: 282–283].

После законодательного утверждения положений, закреплявших некоторые гражданские права и преимущества, в 1863 году караимам наконец удалось добиться принятия закона, в соответствии с которым они были уравнены с христианским населением империи:

...находясь под покровительством общих законов Российской Империи, [караимы] пользуются всеми правами, предоставленными русским подданным, смотря по состоянию, к которому кто из них принадлежит [ПСЗРИ 1866: 303].

Кризис внутренней политики в отношении еврейского населения России, а также последовавшее в 1881 году убийство народовольцами императора Александра II привели к тому, что по южным и юго-западным регионам страны прокатилась волна еврейских погромов (они начались 12 апреля 1881 года в Елисаветграде). Вызваны были погромы недовольством местного населения еврейским присутствием, а также распространявшимися слухами о том, что убийство царя якобы инспирировано евреями. Антиеврейские настроения подогревались высказываниями ряда официальных лиц (например, министра внутренних дел графа Н. П. Игнатьева, обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева и других), а также острополемическими публикациями в органах периодической печати различных направлений, где утверждалось, что погромы происходят из-за «вредной экономической деятельности евреев» [Безаров 2014: 86–96; Богданов 2008: 56–73; Гессен 2014: 292; Прохоров 2017: 137–146]. В российском политикуме преобладали два направления: чиновники, выступавшие за эмансипацию евреев, предполагали, что она будет способствовать индустриализации и экономическому росту. Противники же данной точки зрения заявляли, что крестьяне смогут избежать подчинения своих земель и труда еврейскому капиталу лишь в том случае, если промышленность и сельское хозяйство придут в равновесие [Лёве 2017: 39]. Еврейский вопрос власти собирались решить с помощью политики «сближения» и «слияния», а «преобразованные» таким обра-

зом евреи могли бы стать лояльными подданными империи [Клиер 2017: 36].

Хотя императора Александра III и министра внутренних дел графа Н. П. Игнатьева проблема погромов беспокоила, тем не менее радикальных мер в этом отношении не предпринималось. Был лишь издан циркуляр, в котором всем губернаторам ставились задачи по предотвращению беспорядков. 22 августа 1881 года император Александр III опубликовал «Высочайшее повеление», в котором заявил о «ненормальном отношении между коренным населением некоторых губерний и евреями» [Шполянский 1997: 44]. Документом предписывалось создать в губерниях «черты оседлости» из представителей местных сословий и обществ особые комиссии под председательством губернаторов — для изучения экономической деятельности евреев. В начале 1880-х годов в Бессарабской, Виленской, Витебской, Волынской, Гродненской, Екатеринославской, Киевской, Ковенской, Минской, Могилевской, Подольской, Полтавской, Таврической, Херсонской, Харьковской, Черниговской губерниях и в Одесском градоначальстве были учреждены Комиссии по еврейскому вопросу, инициированные правительством в рамках деятельности «Высшей Комиссии для пересмотра действующих о евреях в империи законах», созданной в феврале 1883 года.

Одной из задач таких комиссий стал сбор сведений о «нравственной и экономической деятельности евреев, вредно влияющей на быт коренного населения». Предполагалось выяснить, какие стороны экономической деятельности евреев пагубно влияют на христиан; какие трудности встречаются на практике при использовании законов о евреях применительно к покупке и арендованию земель, торговле крепкими напитками и ростовщичеству; как необходимо изменить существующие законы для устранения их обхода евреями; какие административные и законодательные меры следует принять, чтобы нейтрализовать вредное влияние евреев [Миндлин 2006: 116]. Члены комиссий собрали статистические сведения о еврейском населении страны. В соответствии с данными, представленными городскими головами для Таврической комиссии по еврейскому вопросу, в горо-

дах губернии в 1880 году проживало 15 787 мужчин и женщин еврейской национальности: в Перекопе и Армянском Базаре их насчитывалось 602 человека, в Керчи — 3136, в Симферополе — 2709; в Мелитополе — 2021, в Карасубазаре — 1618, в Орехове — 1058, в Феодосии — 541, в Бердянске — 1725; в остальных городах их было от 13 до 786 человек. При этом так называемых «иностранных евреев» (тех, кто имел иное, не российское подданство) числилось 443 человека. Всего же в Таврической губернии проживало 25 083 еврея, из которых 7590 человек имели определенные занятия, а остальные 17 493 человека, «исключая детей и неспособных к деятельности, помогали своим соплеменникам эксплуатировать коренное население». Среди основных занятий упоминались ростовщичество, содержание публичных домов и питейная торговля (по данным Акцизного управления за 1881 год, из 970 шинков и кабаков евреям принадлежало 690, при этом 255 заведений содержались евреями через подставных лиц других национальностей). Среди евреев комиссия насчитала 776 кабатчиков, «подставных и находящихся в услужении при питейных заведениях» — 472, владельцев оптовых складов — 65, а торговцев, приказчиков, кулаков или факторов — 3294 человека. Ремесленников было 2536, чернорабочих — 479, земледельцев — 168 (которые, в свою очередь, по отзывам полицейских и общественных управлений, вовсе не занимались хлебопашеством). Что же касается лиц, занятых профессиональной деятельностью, и представителей духовенства, то их насчитывалось только 272 человека [Труды 1884: 526, 533, 536; Шполянский 1997: 48–51].

Члены комиссии докладывали о том, что евреи «являются распространителями непотребства, которое вреднее ростовщичества», и «возбуждают неудовольствие поселян преимущественно потому, что торгуют водкой, дозволяя при этом себе обмеры, отпуск водки в долг под залоги и другие злоупотребления»; что

евреи-шинкари промышляют в явный вред коренным жителям, допуская в питейных заведениях развращение, непотребство, потерю заработков и иное зло. В селениях берут

с евреев деньги за право открытия кабаков не только должностные лица крестьянского управления, но и общества, увлекаемые подкупами, подпаиванием и т. п. [Труды 1884: 517, 526].

Еврей-кабатчики, по словам участников совещания комиссии,

...отворяют кабаки во всякое время дня и ночи, во все христианские праздники, во время волостных и сельских сходов, продают водку и на деньги, но преимущественно в долг, приписывают, обсчитывают и при удобном случае обирают пьяных, разсыропливают водою водку, продают сосудами малой емкости, сравнивая их с казенною мерою, выверенные казенной мерою искусственно уменьшают, остатки из недопитых стаканов и бутылок вновь вливают в бочки, фабрикуют специальные водки, ликеры, настаивая водку обыкновенным красным стручковым перцем, продают ее по 1 руб. за кварту и, настаивая на вишнях разсыропленную жженым сахаром или переваренным медом воду, продают ее под названием вишневки по 1 руб. за кварту, выделяют из изюма вино, тайно продают его, допускают крестьян пить водку в собственных при кабаках помещениях, предлагая на закуску испорченные маслины или ржавую селедку <...> в уплату за выпитую водку кабатчики принимают от крестьян всякие продукты сельского хозяйства, принимают в залог движимое крестьянское имущество <...> разоря хозяйство крестьян, приучают подрастающее поколение к пьянству с 13–15-летнего возраста [Труды 1884, 542–544].

В соответствии с мнением представителей губернской общестственности, кабатчик-еврей, услышав от охмелевшего крестьянина о намерении того сбыть что-либо из своего имущества или «сельскохозяйственных произведений», подпаивал его и тут же покупал за половину и даже менее цены [Труды 1884: 542–544]. А вот как описывались «ухищрения» еврея-шинкаря для достижения поставленных им целей:

Одновременно с открытием кредита крестьянину-домовладельцу, дом которого намечен им к покупке, еврей знакомится с соседями и крикунами на сельских сходах, охотно

ссужает их деньгами, поит водкой, льстит семьям, делает подарки разной мелочи, ценной лишь в глазах деревенской женщины, и таким образом зарекомендовав себя, он в сопровождении хозяина и соседей является на сельский сход с просьбою о выдаче ему приговора на право производства питейной торговли, усердно угощает водкою влиятельных лиц и все общество и, условившись в ежегодной плате обществу, входит с ним в соглашение и получает приговор [Труды 1884: 540].

Неоднократно фиксировались случаи, когда евреи осуществляли питейную торговлю в домах, принадлежавших сельским обществам, по фиктивным актам владения — или с согласия сельских обществ за определенную плату, или же по ежегодно возобновляемым так называемым «запродажным записям». В тех же сельских обществах, где составлялись и подписывались общественные приговоры, воспрещавшие продажу евреям домов и усадеб, по заключению членов комиссии, евреи обходили законодательные ограничения, причем делали это при участии караймов, на которых действие закона от 14 мая 1874 года, ограничивавшего для евреев право питейной торговли (на основании этого закона евреям дозволялось открывать питейные заведения только в собственных домах), не распространялось [ПСЗРИ 1876: 773]. В конечном итоге еврей-раввинист, получив патент на водочную продажу, выданный на имя караима, имел возможность свободно продавать спиртное [Труды 1884: 540]. Факты, свидетельствующие о продаже евреями спиртных напитков через подставных лиц, отмечались губернской администрацией регулярно, вплоть до начала XX века. Например, только в 1908 году в Таврической губернии в соответствии с данными статистики было запротоколировано 1295 нарушений питейного устава¹.

Воспользовавшись несовершенством закона от 14 мая 1874 года, евреи получили возможность брать в аренду у помещиков и крестьян землю, строить или же приобретать дома, уже на ней построенные, по фиктивным сделкам, и на этом основании по-

¹ ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 16294. Л. 1–28; Обзор о состоянии 1909: 78.

лучать патенты на право продажи спиртных напитков [Фон Кауфман 1999: 306–322]. В феврале 1882 года в одной из заметок в симферопольской газете «Таврида» был сделан довольно неутешительный вывод о сложившейся ситуации:

Уверенность в том, что этот закон не может быть обойден, поддерживалась тем соображением, что русский мужик ни в коем случае не пустится в плутоватые сделки с евреем. Что же вышло на самом деле? Вышло то, чего не предупредишь никакими законами, ни угрозами, ни строжайшим контролем: явились полубовные сделки между поселянином и кабатчиком <...> пьянство, в смысле заседания наших крестьян по кабакам, пропивания последнего гривенника, перевода на водку предметов домашнего и хозяйственного обихода, это пьянство не прекратится, ибо корень его лежит не в многочисленности питейных заведений, а в существовании среди крестьянского люда интереса «выпить и закутить». Присмотритесь к крестьянскому житью-бытью, и вы увидите, что выпивка у него начало и конец всех сделок: семейное, хозяйственное общественное событие, все это смачивается, промывается, обмывается водкой, без водки никакого предприятия невозможно было ни начать, ни кончить [Симферополь 1882b: 1].

И далее следовали умозаключения относительно предпринимаемых правительством и общественностью мер: «Принудительное отрезвление останется предметом только досужих разговоров и вместе с тем может породить и массу печальных последствий» (например, таких как значительный финансовый ущерб, нанесенный государственной казне), не говоря уже о том, что «потайная торговля легко может стать действительною язвою среди крестьянского населения» [Симферополь 1882c: 1]. Причем строгие меры, направленные на борьбу с пьянством среди населения, штрафы и запреты на открытие питейных заведений и закрытие существующих, как правило, не давали нужного результата:

Мужик будет пить по-прежнему, но только обходя закон. Пить он будет потому, что не может не пить <...> пить вследствие потребности, вызванной самой жизнью, и имен-

но пить в кабаке или корчме, где бы то ни было, но только не в одиночку, ибо одиночество противно русскому человеку. <...> Для него есть только одно пристанище — это кабак. Это его и клуб, и развлечение. <...> Там крестьянская душа развеселится, рассмеется, одним словом, там каждый может сказать: Мужик, трудясь, не думает, Что силы надорвет; Так неужли над чаркою Задуматься, что с лишнего В канаву угодишь?² [Симферополь 1881b: 1].

Тремя главными причинами «народного пьянства», по мнению автора заметки, опубликованной в «Тавриде», являлись бедность, невежество и некие «исторические предания семейного быта» [Симферополь 1881b: 1]. Но вместе с тем и в столичной, и в региональной российской прессе неоднократно высказывалось мнение о том, что так называемая «еврейская эксплуатация», главной опорой которой называли экономическую и общественную слабость, бедность и несправие российских крестьян, не наблюдалась среди других этноконфессиональных групп населения империи в целом и Таврической губернии в частности:

Мы не видим, чтобы евреям удавалось, например, эксплуатировать наших старообрядцев, отличающихся большой духовной самостоятельностью <...> сумевших выработать в своем кругу твердую солидарность. Не слышно также, чтобы жаловались на разорение от евреев немецкие или греческие колонисты, чешские переселенцы и т. п. [Еврейский вопрос 1881: 2].

Звучали и предложения о том, что необходимо выслушать мнение экспертов из числа евреев, которое в данном случае могло бы оказаться весьма полезным: «У евреев есть земли, есть фабрики, есть и деньги; следовательно, они могут помочь распространению как земледелия, так и другого производительного труда» [Еврейский вопрос 1881: 2].

² Поэтические строки взяты автором данной заметки из поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо?».

Некоторые ригористично настроенные представители общест­венности Таврической губернии, указывая на евреев как на основной источник распространения среди сельского населения пьянства, констатировали, что

...наш крестьянин в сущности пьет не много, даже меньше, чем крестьяне других наций, но он замечательно быстро пьянеет, выпьет он на гривенник, а нашумит на рубль <...> потеряв всякое самосознание, он начинает пропивать за неимением денег не только всё с себя, но и все свои домаш­ние вещи. Большинство нашей интеллигенции видит пья­ного мужика тогда, когда ему море по колено, когда он или целуется, или дерется, или в бесчувствии лежит в грязи [Вопрос 1881: 1].

В кабаки же, содержащиеся евреями, по заключению автора другой статьи, крестьянина начинало тянуть с утра. Там ему предлагали разбавленную всякими вредными примесями водку, а в качестве закуски на стойке в кабаке можно было найти толь­ко тарелку с крошечным куском хлеба, солью, редькой и огурцом [Вопрос 1881: 1]. А продолжать пить ту отраву, которую кабатчик (конечно же, еврей) давал под видом водки, заставляло крестья­нина «щемящее чувство неудовлетворенности». Поэтому, как полагал радетель народной нравственности, «пьянство развива­ется не потому, что крестьяне пьют, а потому, что их опаивают кабатчики, не водка разоряет хозяйство крестьян и развращает народную нравственность, а алчный кабатчик». В качестве вы­хода из ситуации предлагалось «вырвать кабака и кабатчика из жизни народа и заменить его, сообразно народным потребностям, таким помещением, где происходило бы не безобразное пьянство и буйство, а велась бы беседа, шли бы братчины или складчины в смысле наших предков» [Вопрос 1881: 1]. И подобных прекрас­нодушных идей, далеких, впрочем, от реальности, выдвигалось в российском обществе немало.

В 1881 году для разработки мер по искоренению пьянства и поднятию уровня народной нравственности правительство учредило особое совещание, итогом деятельности которого

стало принятое его членами решение о сокращении числа питейных заведений, об упорядочении питейной торговли «в видах улучшения народной нравственности» и об усилении контроля над виноторговлей. Сокращение числа питейных заведений предполагалось осуществить путем повышения патентного сбора [Богданов 2008: 56]. В данном вопросе нашлись не только сторонники предложенной инициативы, но и оппоненты из числа представителей общественности, аргументировавшие свои доводы тем, что, уничтожив несколько десятков тысяч евреев-кабатчиков, общество получит их то же число из среды русских, и тем самым увеличит «процент безнравственных людей, занимающихся несимпатичным для нас делом» [21-го октября 1881: 1; Лебедев 1898: 36].

Члены Таврической комиссии по еврейскому вопросу от крестьян Панов и Савченко сообщили, что в селах Таврической губернии дети христиан, находившиеся несмотря на существовавшее запрещение законодательного характера в услужении у евреев,

забывают утренние и вечерние молитвы, не ходят в церковь по праздникам и воскресеньям; в посты евреи дают православной прислуге скоромную пищу и нередко привлекают прислугу в суд. Но тяжелее всего, что у евреев служат большою частью православные дети малолетние или несовершеннолетние [Труды 1884: 514, 515].

Другой член комиссии, Гофман, заявил, что «народ наш не желает, по святому чувству веры, видеть своих детей в рабстве у евреев — и эта высокая, духовная потребность народа должна быть удовлетворена», и призвал не допускать к услужению у евреев ни самих христиан, ни их детей. «Пусть бедные евреи служат у своих единоверцев, а русские — у своих», — согласились с мнением Гофмана и остальные члены комиссии. Но при этом отмечалось, что зажиточные евреи не нанимали для личного услужения бедных членов еврейской общины, предпочитая помогать им финансово [Труды 1884: 515, 550].

Рассмотрев все собранные сведения, Таврическая комиссия по еврейскому вопросу пришла к выводу, что наиболее действенной мерой для улучшения «хозяйственного быта мещан и крестьян», отвращения их от кабаков и еврейского ростовщичества могло бы стать увеличение числа сберегательных и ссудных касс в Таврической губернии. Кроме того, по мнению депутатов от крестьянских и городских обществ, следовало бы «вовсе запретить евреям питейную торговлю, как оптовую, так и раздробительную, уменьшив тем самым число питейных заведений» [Труды 1884: 527]. Участники обсуждения также отмечали, что «приемы, злоупотребления и вся цель торговли евреями питьями направлены к истощению экономических сил народа для собственного обогащения, что другие народности, в особенности русские, не в состоянии противодействовать евреям или соперничать с ними в торговле крепкими напитками», и что евреи,

получая посредством подкупа от обществ разрешения на открытие шинков, усиливают в народе пьянство, ведущее к разорению хозяйства, и что, наконец, надзор за правильным производством питейной торговли лишь тогда будет действителен, когда он будет предоставлен местным общественным учреждениям [Труды 1884: 527, 528].

В конечном итоге комиссия приняла несколько постановлений рекомендательного характера, направленных на упорядочение деятельности уже существовавших питейных заведений и регулировавших открытие новых, могущих действовать лишь с разрешения Присутствия Уездной земской управы и уездного по крестьянским делам присутствия при участии мировых судей, преимущественно участковых, а в городах — от городских дум с участием мировых судей. В частности, члены комиссии допустили возможность продажи крепких напитков только на вынос «ввиду особенной важности этой меры для народного благосостояния, питейные же заведения с раздробительною продажей дозволялись бы лишь на больших проезжих дорогах в пунктах, определенных Земскими Собраниями». При этом депутаты ко-

миссии от евреев, как отмечалось в протоколе итогового заседания, «сочувственно отнеслись ко всем этим мерам улучшения, а волостные старшины выразили пожелание, чтобы они осуществились» [Труды 1884: 527, 528].

Тем не менее, более серьезные «преступления» евреев против русских жителей губернии комиссии по еврейскому вопросу выявить так и не смогли — при том что членами Таврической комиссии по еврейскому вопросу признавался факт недовольства населения губернии экономической деятельностью евреев. Но даже ростовщичество, каким бы разорительным оно ни являлось для населения губернии, не было признано самостоятельным видом эксплуатации ни в городах, ни в селах. «Религия и нравственность не нарушается евреями через услужение [христиан]», а «пьянству и распутству евреи не научат», — констатировали в заключении по этому вопросу члены комиссии Плавков и Немировский.

Если бы евреи были даже совсем выслены из России, — рассуждал председатель Таврической губернской земской управы, — то их место немедленно было бы занято ловкими людьми других национальностей. Разве и теперь не подвизаются на одном поприще с евреями греки, караимы, русские и т. п.? Разве в великороссийских губерниях, где евреев почти нет, народ менее эксплуатируется доморощенными Разуваевыми и Колупаевыми? [Труды 1884: 520, 521].

И переходя от этой литературной аллюзии — ставших нарицательными фамилий кулаков-миродов из произведений М. Е. Салтыкова-Щедрина — непосредственно к конкретным шагам, председатель указывал на необходимость проведения просветительских мероприятий в отношении сельского населения, открытия в губерниях школ грамотности и других низших образовательных учреждений для крестьян [Труды 1884: 517, 521, 522].

В декабре 1888 года Таврическая комиссия по еврейскому вопросу, выполнив свои функции и представив собранные ею материалы и выводы в вышестоящие инстанции, прекратила свою деятельность и была распущена.

Инкриминировать одним только евреям эксплуатацию и содержание питейных заведений было бы, по мнению ряда корреспондентов региональных газет, несправедливо. «Если содержание кабаков так безнравственно и опасно, — писал один из авторов “Тавриды”, — то при этой возможности, не чуждой никакой нации, является необходимость уничтожения кабаков повсеместно», а за отдельные недобросовестные поступки единиц обвинять всю нацию — по меньшей мере несправедливо. «Оглянитесь вокруг себя, — вопрошал другой автор. — Что вы видите? В самых коренных русских местностях, в восточной полосе России, где евреев нет, эксплуатация идет тем же порядком, если не хуже: те же кабаки, с тем же спаиванием русского мужика» [Щира 1881а: 1]. То же касалось обвинений евреев в хищениях в сферах промышленности и торговли, а в качестве примера приводилась ситуация в российской провинции. «Припомните хорошенько обыкновенного нашего провинциального купчика: каков он собою? <...> Теория у него одна: как-нибудь сбыть все скверное, негодное, пользуясь незнанием покупателя, его доверием или просто наглым обманом» [Щира 1881а: 1].

Негативное отношение к евреям вызывалось прежде всего невежеством, этнической и религиозной нетерпимостью: «...наибольшее презрение [к евреям] встречаешь в тех местностях, в тех обществах и, наконец, в тех субъектах, которые наименее знают еврея»; неуважение и неприязнь к евреям, доходившие до крайних проявлений жестокости и злобы, основывалось на «предрассудках, дикой лжи и безобразных росказах» [Щира 1881b: 1].

Основным объектом нападок общественности традиционно были евреи — шинкари и кабатчики, стремившиеся к «прочному водворению и открытию в селениях питейной торговли, которая обыкновенно сопровождается спаиванием пошатнувшихся хозяев и принятия от них за водку хлеба и других сельскохозяйственных продуктов» [Труды 1884: 537]. Примечание к ст. 102 «Устава о питейном сборе» (1876) гласило, что евреям, имевшим право на заводскую и фабричную промышленность, дозволялось арендовать винокуренные заводы повсеместно в губернии-

ях «черты оседлости», а именно: в Киевской, Херсонской, Таврической, Могилевской, Витебской, Черниговской и Полтавской губерниях [Устав 1876: 78, 80, 233]. Причем винокуренные заводы могли брать в аренду только лица, имевшие гильдейские свидетельства. Помимо этого, не подлежали акцизному обложению изюмное (розенковое) вино и «пейсаховая водка», предназначенные для использования евреями при отправлении религиозных обрядов (при этом вино разрешалось изготавливать без хмеля и только с дозволения городских дум и ратуш и с ведома акцизного управления) [Устав 1876: 3, 81, 114]. Но, как уже отмечалось выше, большинству торговцев-евреев удавалось обходить закон, продавая водку в собственных домах и приобретая патенты на имя представителей других национальностей и конфессий. Так, например, ореховский городской голова полагал, что

стремление евреев к питейной торговле <...> объясняется тем, что евреи — складчики спирта берут патенты и другие документы на имя бедных своих единоверцев и отпускают им водку в кредит и даже без процентов, а сидельцы, по мере продажи водки, погашают долг [Труды 1884: 559].

Еще одним поводом для недовольства еврейским присутствием в губерниях «черты оседлости» стало ходатайство нескольких еврейских семей к министру внутренних дел о выделении им земельных участков для сельскохозяйственной обработки (как это произошло в Киевской губернии в 1881 году), а также трудоустройство евреев в качестве поденных рабочих во время уборки урожая (например, в Подольской и Херсонской губерниях). При этом, как сообщал сам наниматель, «евреи эти, сравнительно с платою, работают хорошо <...> и представляют серьезную конкуренцию для безбожно дорогих русских рабочих», к тому же евреи демонстрировали «трудолюбие, большую сноровку и понятливость» и выполняли объем работ в полтора раза больший, чем остальные поденщики [Симферополь 1881а: 1]. Любопытно, что в числе прочих конкурентных преимуществ у евреев отме-

чались «воздержание, трезвость, отсутствие праздничных и прогульных дней, исправность». Крестьяне же, чрезвычайно недовольные подобным вторжением в сферу их собственных интересов, заявляли начальству: «Як бы не жиди, то мы б брали по три рубля в день». Они даже заявили директору экономии, что если евреи не будут удалены с работ, «которые издавна исполняются ими, крестьянами, то они употребят силу и распорядятся по-своему» [Симферополь 1881а: 1].

Что же касается занятия проституцией, то в начале 1880-х годов в Таврической губернии числилось 37 домов терпимости, из которых 35 содержали евреи, и 2 — выкресты из евреев [Труды 1884: 526, 533, 536]. По сведениям полицмейстера Симферополя, во 2-й и 3-й полицейской части губернской столицы свои услуги клиентам предлагали шесть домов терпимости. Часть из них, как следует из составленных полицейскими приставами отчетов, содержали: евпаторийская мещанка Прасковья Циммерман (прежняя владелица — Фрейда Пункин), немировская мещанка Мотя Арцман (прежние владелицы — одесская мещанка Любовь Найэр и Лея Бродская)³. В Феодосии, как информировал городской голова, «хотя дом терпимости содержится еврейкою, но в прежнее время он содержался христианином, выкрестом из евреев», при этом проститутки из числа евреек не было. В Бахчисарае, по мнению местного начальства, нравственность евреев находилась на удовлетворительном уровне, но дом терпимости содержался еврейкой, и «некоторые из евреев также склонны к занятию проституцией, которая совершается ими в чужих домах и под чужим именем». В Евпатории насчитывалось только три проститутки-еврейки [Труды 1884: 555]. В Старом Крыму евреи торговлей, ростовщичеством, факторством, «распространением непотребства и другими предосудительными действиями» не занимались (в 1882 году в городе проживало только 13 евреев). В Карасубазаре два дома терпимости тоже содержались евреями. По замечанию членов Таврической комиссии по еврейскому вопросу, здесь проживало большое число евреев-крымчаков —

³ ГАРК. Ф. 197. Оп. 1. Д. 415. Л. 95, 115.

они хоть и являлись последователями Талмуда, но «резко отличались от других евреев по своим бытовым преданиям, характеру, наклонностям, образу жизни и деятельности». Отмечалось, что в Бердянске «еврейской проституции почти не существует, а дома терпимости содержатся евреями»; в Мелитополе существовал один дом терпимости, а проститутки-евреек было четыре [Труды 1884: 555, 557]. Что же касалось Керчи, то здесь

...ростовщичество от самых мелких до самых крупных размеров, выдача крестьянам задатков под тяжелые условия, невозвращение денежных обязательств оплаченных и вторичное взыскание по ним, присвоение залогов и поклаж, покупка краденого, маклерство чем угодно, мелочной торговлею, содержание и эксплуатация проституток явно и тайно — составляют главные предметы торговой деятельности евреев и во всей этой деятельности нравственные начала для них не существуют. <...> Из 7-ми домов терпимости 6-ть содержатся евреями, в них 26 проституток-евреек, хотя, впрочем, еврейская проституция имеет гораздо большие размеры, но она производится тайно [Труды 1884: 554, 555].

Одним из факторов, сопутствующих проституции, стало серьезное увеличение числа венерических заболеваний и, в частности, случаев сифилиса — только в период с 1861 по 1867 год количество заболевших этим недугом в Таврической губернии возросло с 114 до 1112 человек [Кузнецов 1871: 78]. Однако при столь очевидных данных статистики никаких предложений по искоренению проституции в Таврической губернии, по проведению разъяснительной или же «увещательной» работы с держателями и контингентом домов терпимости от комиссии не поступило.

3 мая 1882 года правительством были представлены «Временные правила» для евреев, которые создавались на основе рекомендаций губернских комиссий 1881 года. По «Временным правилам» евреям запрещалось: а) селиться в сельской местности, то есть вне городов и местечек в «черте оседлости», за исключением уже существующих еврейских земледельческих колоний;

б) совершать купчие крепости и закладные на имя евреев, то есть приобретать недвижимое имущество вне местечек и городов и арендовать земельные угодья; в) торговать в воскресные дни и в «двунадесятые христианские праздники». Таким образом, «Временные правила» лишали средств к существованию значительное число евреев, основным источником дохода которых была мелкая торговля в деревнях «черты оседлости». Ограничения, распространявшиеся на пятнадцать губерний «черты оседлости», не коснулись лишь Царства Польского. До 1904 года действие «Временных правил» распространялось и на евреев, имевших право жительства на территории всей империи (за исключением лиц, окончивших университеты). Надзор за соблюдением «Временных правил» возлагался на органы полицейского контроля [ПСЗРИ 1886: 181]. И хотя эти правила были названы «временными», действовали они вплоть до 1917 года.

В свою очередь, «Высшая комиссия для пересмотра действующих о евреях в Империи законов», созданная по утверждению императором 4 февраля 1883 года докладу министра внутренних дел, действовала под руководством графа К. И. Палена до 1888 года. Анализ собранных губернскими комиссиями материалов продемонстрировал несостоятельность большинства антисемитских мифов. Например, члены Высшей комиссии выступили с обоснованием того, что еврейская экономическая деятельность не носила эксплуататорского характера, поскольку евреи довольствовались сравнительно низкими размерами прибылей [Лёве 2017: 44]. Тем не менее, правительством был избран курс на дальнейшую дискриминацию еврейского населения.

По данным Центрального статистического комитета МВД Российской империи, из 2537 винокуренных заводов, работавших в стране в 1886 году, евреи содержали 27 %, что составляло более четверти всех заводов. При этом в Таврической губернии евреями содержалось: 38,5 % винокуренных и 12,5 % пивоваренных заводов; трактиров и харчевен — 15,7 %; корчем — 15,5 %; ренсковых погребов и штофных лавок — 30,7 %. Помимо всего прочего, 82,1 % оптовой торговли спиртом в Таврической губернии также принадлежала евреям [Аленицин 1886: VI, VIII, X, XII,

XVI, XXI]. Так, например, в Симферополе и в Симферопольском уезде из двух пивоваренных заводов один принадлежал еврею; оптовых складов спирта было 11 (все находились во владении у евреев); трактиров и харчевен — 32 (у евреев — 3); корчем — 12 (у евреев — ни одной); шинков и питейных домов — 173 (принадлежавших евреям и находившихся в их руках — 27); винных погребов — 18 (у евреев — 4); ренсковых погребов и штофных лавок — 13 (у евреев — 2). Всего же в совокупности в городах и уездах Таврической губернии насчитывалось 1710 пунктов выделки крепких напитков и торговли ими (принадлежавших евреям или же находившихся в их руках — соответственно, 433 и 225). В частности, из восьми пивоваренных заводов евреям принадлежал один; из 123 оптовых складов спирта во владении евреев — 101; трактиров и харчевен — 127 (принадлежавших и находившихся в руках евреев — 20); корчем — 161 (у евреев — 27); шинков и питейных домов — 1039 (принадлежавших и находившихся в руках евреев — 448); винных погребов — 102 (у евреев — 15); ренсковых погребов и штофных лавок — 150 (у евреев — 46) [Аленицин 1886: 236–239, 254–259]. В 1889 году в городах и селах Таврической губернии всего насчитывалось: трактиров, корчем и постоялых дворов — 251; винных, штофных и ведерных лавок — 571; пивных лавок — 10; ренсковых погребов — 214 [Памятная 1889: 65]. В то же самое время численность еврейского населения в губернии составила 33 312 человек (17 149 мужчин и 16 163 женщины) [Приложение 1889: 125, 126].

В 1894 году в Российской империи по предложению министра финансов С. Ю. Витте была введена казенная винная монополия, действие которой распространялось на очистку спирта и торговлю крепкими спиртными напитками. 6 июня 1894 года действие монополии вводилось в Пермской, Уфимской, Оренбургской и Самарской губерниях, начиная с января 1895 года, а затем, по законам от 2 мая 1895 года и 19 февраля 1896 года, реформа распространялась: с 1 июля 1896 года на Киевскую, Подольскую, Вольнскую, Полтавскую, Черниговскую, Екатеринославскую, Херсонскую, Бессарабскую и Таврическую губернии, с 1 июля 1897 года — на Виленскую, Могилевскую, Витебскую и Смолен-

скую губернии, а с 1 января 1898 года — на Санкт-Петербургскую, Новгородскую, Псковскую, Олонецкую и Харьковскую губернии. В соответствии с законодательством, винокуренные заводы теперь могли принадлежать частным предпринимателям, но при этом производимый ими спирт покупался казной, проходил очистку на государственных складах и продавался в государственных винных лавках. В казну поступали: 1) доход от казенной продажи спирта, вина и водочных изделий; 2) акциз с портера, пива, меда и приготавливаемой на особых заводах браги; 3) дополнительный акциз с водочных изделий; 4) акциз с вина и спирта, вывозимых за пределы района казенной продажи питей; 5) комиссионная плата за продажу напитков; и 6) патентный сбор с содержимых частными лицами заводов для приготовления питей и заведений для их продажи. Все вино, поступавшее в продажу, теперь должно было быть приготовлено из ректифицированного спирта, очищенного горячим способом и крепостью не ниже 40 градусов. Частные лица могли содержать: 1) оптовые склады пива, меда и русского виноградного вина; 2) пивные лавки; 3) погреба для продажи русских виноградных вин; 4) временные выставки для продажи пива, меда и русского виноградного вина; 5) ренсковые погреба; и 6) заведения трактирного промысла. Торговля вином, спиртом и водочными изделиями допускалась только в заведениях двух последних категорий. При этом продажа спиртных напитков могла быть допущена и в других торговых заведениях, но лишь по соглашению министра финансов с министром внутренних дел [Сборник 1899: 635; Арефа 1898: 1–19, 28, 77–95; Брандт 1898: 721–724].

В 1897 году в стране стартовала грандиозная по своим масштабам «Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года». В соответствии с ее результатами численность еврейского населения Таврической губернии «на основании родного языка» составила 55 418 человек (3,8 % всего населения губернии) [Таврическая губерния 1904: V]. В городах евреев насчитывалось 34 248 человек, или 11,8 %. По вероисповеданиям численность иудейских общин (евреев, караимов и крымчаков) достигала цифры 60 752 человека (31 499 мужчин и 29 253 женщины), то есть

4,2 % от общего населения губернии [Таврическая губерния 1904: IX, 93]. При этом лиц из числа евреев, задействованных в питейной торговле («по народностям и на основании родного языка»), было 244 человека (67 самостоятельных торговцев и 177 членов их семей), а тех, кто занимался винокурением, пивоварением и медоварением, — 207 человек (62 самостоятельных предпринимателя и 145 членов их семей), производителей «прочих напитков и бродильных веществ» — 182 человека (41 самостоятельный торговец и 141 представитель семей). Содержателей трактиров, гостиниц, меблированных комнат и клубов в соответствии с данными переписи было выявлено 462 человека (162 самостоятельных и 300 членов их семей). Что касается занятия проституцией, то среди евреев в данной «сфере услуг» насчитывалось 76 человек (3 мужчины и 73 женщины; членов их семей — 13 мужчин и 18 женщин). Всего же в Таврической губернии было 457 человек, занимавшихся проституцией (16 мужчин и 441 женщин) [Таврическая губерния 1904: 186, 194, 195]. В 1904 году в Таврической губернии проживало уже 50 625 евреев, в 1907 году — 52 210, а в 1910 году их было 53 714 человек [Шабат б. г.: 672].

Относительно общей численности купцов, задействованных в трактирном промысле и торговле спиртными напитками в городах Таврической губернии, можно констатировать, что по сведениям, собранным городскими управами, она была довольно значительной. Уже к концу XIX века в Симферополе и Севастополе действовало более 200 трактирных заведений, в Ялте — более 120, в Керчи — свыше 100 [Серова 2011: 117]. Например, по данным Симферопольской городской управы, в губернской столице значительный процент купеческого контингента составляли евреи: в 1892 году их насчитывалось 79 человек, а в 1895 году — 87 (1-й гильдии — 4 человека, 2-й гильдии — 83 человека)⁴. Непосредственно питейной торговлей («гильдейскими предприятиями») занимались многие симферопольские евреи. Например, мещанин Нахим Беркович Цехновицер, имевший свидетельство и торговый билет 2-й гильдии, приобрел питейный патент с раскучной маркой (то

⁴ ГАРК. Ф. 63. Оп. 1. Д. 306. Л. 52–75; Д. 307. Л. 1–3 об., 50–83 об.

есть с правом торговли спиртными и табачными изделиями), а годовой оборот от ренсковой торговли (позволявший продавать алкогольные напитки навынос) составил 10 тысяч рублей, приносящих ему 10 % прибыли с 1 рубля оборота. Симферопольская мещанка Ципа Берковна Барбаумова имела в собственном доме ренсковый погреб, торгуя на основании приобретенного ею питейного патента с раскурочной маркой. Купчихе 2-й гильдии Кейле Абрамовне Смирновой принадлежал ренсковый погреб в центре Симферополя, на ул. Дворянской, а также склад спирта, которым заведовал по доверенности купец 2-й гильдии Иосиф Леонтьевич Гольдмерштейн. На ул. Салгирной трактир «Севастополь», на основании питейного патента с раскурочной маркой, содержал симферопольский мещанин Давид Пунькин, а ресторан под броским названием «Конкуренция» принадлежал симферопольскому мещанину Янкелю Абрамовичу Гинзбургу (заведение находилось в его собственном доме, также на ул. Салгирной). Еврейским рестораном и гостиницей «Гранд-Отель» владел симферопольский купец 2-й гильдии Перец Нухимович Вайнштейн, а за купцом 2-й гильдии Гилелем Зельмановичем Левиным числился спиртоочистительный завод с годовым оборотом в 58 400 рублей (им заведовал симферопольский купец 2-й гильдии Янкель Ицкович Кизильштейн). Симферопольской мещанке Мирне Товиевне Званецкой принадлежал ренсковый погреб на ул. Кантарной, а бахчисарайскому мещанину Шифре Абрамовичу Розенштейну — ренсковый погреб на ул. Миллионной в губернской столице. Герш Абрамович Меримский с приобретенным им питейным патентом с раскурочной маркой содержал трактир «Малороссия»; мелитопольский мещанин Иосиф Гершкович Островский в собственном доме в Симферополе открыл склад пива. Продукция пивоваренного завода, принадлежавшего симферопольской купчихе 2-й гильдии Лее Яковлевне Вайсброд, была известна не только симферопольцам, но и жителям других городов Таврической губернии (например, в 1882 году на заводе было изготовлено продукции — меда и пива — на сумму 25 тысяч рублей)⁵.

⁵ ГАРК. Ф. 197. Оп. 1. Д. 415. Л. 93.

Среди так называемых «негильдейских» предприятий (где торговля велась по свидетельствам мелочного торга и питейным патентам) популярностью пользовалась виноторговля провизора Бориса Григорьевича Бухштаба; пивная, принадлежавшая мещанину Таубу Шульману, находилась на ул. Мало-Фонтанной; винный погреб Нухима Иосифовича Бирмана — на ул. Греческой, в собственном доме; трактир Исаака Надкевича — на ул. Кантарной⁶. В 1880-х годах во 2-й и 3-й полицейских частях Симферополя (где проживало большинство членов местной еврейской общины — соответственно 1160 мужчин и 943 женщины, 267 мужчин и 231 женщина) работал один пивоваренный завод Л. Я. Вайсброд, имелось 7 бузней, 1 трактир, 1 водочный склад (владелец — купец Иоффе), 2 винных лавки, 2 пивных лавки, 1 винный погреб, и 72 питейных дома. Помимо этого, пивоваренный завод, ранее принадлежавший одесской мещанке Ихевед Тетельбаум, в 1882 году был по решению владелицы закрыт⁷.

Таким образом, на основе анализа законодательных актов и положений, архивных документов, материалов периодической печати, а также статистических сведений можно сделать некоторые выводы. Были рассмотрены формы и масштабы питейного промысла евреев во второй половине XIX — начале XX века в Российской империи в целом и в Таврической губернии в частности. Представленные материалы позволяют констатировать, что до середины 1880-х годов вовлеченность еврейского населения Российской империи в производство и продажу алкогольной продукции была довольно значительной. Очевидно и то, что до принятия закона о винной монополии 1894 года меры, предпринимавшиеся правительством в отношении распространения винокурения и виноторговли, фактически не влияли на объемы питейного промысла, а несовершенство законодательства позволяло евреям обходить многие запретительные и ограничительные меры. В то же время в правительственных кругах и интеллекту-

⁶ ГАРК. Ф. 63. Оп. 1. Д. 329-а. Л. 1 об., 2, 10 об., 11, 11 об., 12, 18 об., 19, 19 об., 20, 28 об., 29, 30 об., 31, 56 об., 57 об., 60 об., 61 об., 71 об., 132 об.

⁷ ГАРК. Ф. 197. Оп. 1. Д. 415. Л. 75, 80, 82, 95, 97, 100, 112, 118, 126.

альной среде российского общества назрела дискуссия о «вредной» экономической деятельности евреев, что привело к созданию особых губернских комиссий для изучения данного вопроса. Несмотря на наличие сведений о частых нарушениях в сфере питейного промысла и торговли алкогольной продукцией, в результате работы Таврической комиссии по еврейскому вопросу большинство ее депутатов дали положительную оценку деятельности евреев и их нравственности. Помимо этого, в периодических печатных изданиях губернии неоднократно публиковались материалы, в которых их авторы призывали ригористично настроенные круги общественности отказаться от антисемитской риторики, указывая на то, что данная проблема имеет гораздо более глубокие корни в современном им обществе.

Литература и источники

21-го октября 1881 — 21-го октября [О работе Особого совещания по питейному делу] // Таврида. 1881. № 86. 29 октября. С. 1.

Аленицин 1886 — *Аленицин В. Д.* Еврейская питейная торговля в России: Обраб. по поручению высочайше учрежд. Высш. ком. для пересмотра действующих о евреях в Империи законов, ред. Центр. стат. ком. В. Аленициным. СПб.: Центр. стат. ком. М-ва внут. дел, 1886. [10], XXIV, 581, [2] с. (Статистический временник Российской империи. Сер. 3; Вып. 9).

Арефа 1898 — *Арефа Н. И.* Положение о казенной продаже питей, с приведением дополнительных к нему узаконений, распоряжений, инструкций, правил и разъяснений, а также Устава попечительств о народной трезвости и Правил о взысканиях за нарушения: Положения о казенной продаже питей, с соображениями, на коих они основаны / Сост. канд. прав Н. И. Арефа. 3-е изд., доп. СПб.: А. Н. Морозов, 1898. [2], II, VIII, 392 с.

Безаров 2014 — *Безаров А.* Еврейские погромы 1881–1882 гг. в Российской империи и кризис революционного народничества // Труды по еврейской истории и культуре: Материалы XXI Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике / Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер»; [редкол.: Мо-

чалова В. В. (отв. ред.) и др.]. М.: Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер», 2014. С. 86–96. (Академическая серия: Вып. 50.)

Богданов 2008 — *Богданов С. В.* Государство в борьбе за трезвое общество в начале 1880-х — начале 1890-х годов // Вестник ТвГУ. Сер. История. 2008. Вып. 2. С. 56–73.

Брандт 1898 — *Брандт Б.* Питейная монополия // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб.: типо-лит. Ефрона, 1898. Т. 23а: Петропавловский — Поватажное. С. 721–724.

Буровский 2011 — *Буровский А. М.* Еврейские погромы: скорбь по двойным стандартам. М.: Яуза-пресс, 2011. 316, [2] с.

Военно-статистическое 1848 — Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по высочайшему повелению при 1-м Отделении Департамента Генерального штаба. Т. 9, ч. 1: Ковенская губерния. СПб.: тип. Департамента Генерального штаба, 1848. [6], 48, 18 с.

Военно-статистическое 1849 — Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по высочайшему повелению при 1-м Отделении Департамента Генерального штаба. Т. 11, ч. 2: Таврическая губерния. СПб.: тип. Департамента Генерального штаба, 1849. [6], 225, 50 с.

Вопрос 1881 — Вопрос о народном пьянстве // Таврида. 1881. № 24. 22 октября. С. 1.

ГАРК — Государственный архив Республики Крым. Ф. 26. Оп. 1. Д. 16294. «По предложению Управляющего Новороссийским краем — О доставлении сведений и заключения по предмету производимой Евреями, поселившимися на помещичьих землях, продажи горячих напитков через сидельцев-христиан». 26 апреля — 09 декабря 1848 г. 28 л.; Ф. 63. Оп. 1. Д. 306. «О купцах г. Симферополя, объявивших капитал на 1894 г.». Декабрь 1898 г. 152 л.; Ф. 63. Оп. 1. Д. 307. «О купцах г. Симферополя, объявивших капитал на 1895 г.». 1 ноября 1894 г. — 6 ноября 1895 г. 156 л.; Ф. 63. Оп. 1. Д. 329-а. «Общий список торговых и промышленных предприятий по г. Симферополю». 1895 г. 151 л.; Ф. 197. Оп. 1. Д. 415. «Симферопольского полицмейстера статистический отчет за 1882 г.». 23 декабря 1882 г. — 13 октября 1883 г. 197 л.

Гессен 2014 — *Гессен Ю.* Жизнь евреев в России. М.: Захаров, 2014. 336 с.

Еврейский вопрос 1881 — Еврейский вопрос // Таврида. 1881. № 89. 8 ноября. С. 2.

Клиер 2017 — *Клиер Д.* Развитие законодательства о евреях в Российской империи (1772–1881) // История еврейского народа в России. От

разделов Польши до падения Российской империи / Под ред. И. Лурье. Т. 2. М.: Мосты культуры/Гешарим, 2017. С. 23–37.

Кондараки 1875 — *Кондараки В. Х.* Универсальное описание Крыма: в 4-х т. СПб.: тип. В. Веллинга, 1875. Ч. 9. 106 с.

Кузнецов 1871 — *Кузнецов М. Г.* Проституция и сифилис в России: Историко-стат. исследования. СПб.: тип. В. С. Балашева, 1871. [4], 268, 76 с.

Лебедев 1898 — *Лебедев В. А.* Питейное дело. СПб.: тип. Правительств. сената, 1898. [2], 106 с.

Лёве 2017 — *Лёве Х.-Д.* От «исправления» к дискриминации: Новые тенденции в государственной политике по отношению к евреям (1881–1914) // История еврейского народа в России. От разделов Польши до падения Российской империи / Под ред. И. Лурье. Т. 2. М.: Мосты культуры/Гешарим, 2017. С. 38–65.

Миндлин 2006 — *Миндлин А. Б.* Еврейский вопрос в деятельности Н. П. Игнатьева // Вопросы истории. 2006. № 11, ноябрь. С. 114–123.

Обзор 1909 — Обзор о состоянии Таврической губернии за 1908 год. Симферополь: Таврическая губ. тип., 1909. [4], 36 с., [25] табл.

Памятная 1867 — Памятная книжка Таврической губернии; Под ред. К. В. Ханацкого. Симферополь: тип. Таврич. губ. правления, 1867. Вып. 1. 519, 103, 20, [5] с.

Памятная 1889 — Памятная книжка Таврической губернии, составленная Статистическим бюро Таврического губернского земства / Под ред. К. А. Вернера. Симферополь: Тавр. губ. земство, 1889. 695 с.

Прохоров 2017 — *Прохоров Д. А.* Проблема еврейских погромов в Российской империи и общественное мнение (по материалам периодической печати Таврической губернии конца XIX века) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Сер.: Исторические науки. 2017. Т. 3(69), № 2. С. 137–146.

ПСЗРИ 1851 — Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 2. СПб.: тип. 2-го Отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1851. Т. 25, отд. 2. 712 с.

ПСЗРИ 1866 — ПСЗРИ. Собр. 2. СПб.: тип. 2-го Отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1866. Т. 38, Отд. 1. 942 с.

ПСЗРИ 1876 — ПСЗРИ. Собр. 2. СПб.: тип. 2-го Отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1876. Т. 49, Отд. 1. 949 с.

ПСЗРИ 1886 — ПСЗРИ. Собр. 3. СПб.: тип. 2-го Отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1886. Т. 2. 1144 с.

Приложение 1889 — Приложение к всеподданнейшему отчету о состоянии Таврической губернии за 1889 год. Симферополь: Таврическая губ. тип., 1889. 107, [58] с.

Сборник 1899 — Сборник узаконений и правительственных распоряжений по казенной продаже питей и первое дополнение к нему: сост. по распоряжению Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей. СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1899. [2], VI, 740 с.

Серова 2011 — *Серова Е. Д.* Заведения трактирного промысла Крыма во второй половине XIX века // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер.: Исторические науки. Т. 24(63), № 2: спецвыпуск «История Украины», 2011. С. 111–121.

Симферополь 1881a — Симферополь, 9 сентября. Народное недо-вольство против евреев // Таврида. 1881. № 72. 10 сентября. С. 1.

Симферополь 1881b — Симферополь, 31 октября. Если мы будем обращать внимание // Таврида. 1881. № 87. 1 ноября. С. 1.

Симферополь 1881c — Симферополь, 10 февраля. Телеграф принес нам известие // Таврида. 1882. № 12. 11 февраля. С. 1.

Таврическая губерния 1904 — Таврическая губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897; Изд-ие Центрального статистического комитета МВД; Под ред. Н. А. Тройницкого. СПб., 1904. [6], XXVI, 310 с.

Труды 1884 — Труды губернских комиссий по еврейскому вопросу. Ч. 2: Харьковская, Екатеринославская, Киевская, Таврическая, Волынская, Бессарабская, Полтавская, Херсонская, с Одесским градоначальством, и Подольская. СПб.: Тип. Министерства Внутренних Дел, 1884. X, 1242, 127 с.

Устав 1879 — Устав о питейном сборе [издания 1876 года] со всеми по 1 января 1879 года разъяснениями, дополнениями, циркулярами Министерства финансов, решениями кассационных департаментов Сената, и всем относящимся до Управления и отчетности по питейному сбору / Изд. Н. А. Дементьева, под ред. Б. Комарова и В. Логинова. СПб.: тип. т-ва «Обществ. Польза», 1879. III–VIII, 386, 232 с.

Фон Кауфман 1999 — *Фон Кауфман П. М.* Служебная записка П. М. Фон Кауфмана / Публ., [вступ. ст. и примеч.] В. Л. Степанова // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. [Т.] IX. С. 306–322.

Шабад 1913 — *Шабад Я.* Таврическая губерния // Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем /

Под ред. Л. Каценельсона. СПб.: Брокгауз-Ефрон, [1913]. Т. 14. Стлб. 669–672.

Шполянский 1997 — *Шполянский В. В.* О деятельности Комиссии по еврейскому вопросу в Крыму в 1881–1882 гг. // Евреи Крыма: очерки истории. Изд-ие Научно-исследовательского центра Крымоведения. Симферополь: Мосты; Иерусалим: Гешарим, 1997. С. 48–51.

Щира 1881a — *Щира В.* По поводу обвинений евреев в эксплуатации // Таврида. 1881. № 51. 28 июня. С. 1.

Щира 1881b — *Щира В.* Почему я презираю еврея? [Ч. 1] // Таврида. 1881. № 51. 28 июня. С. 1.

“They are engaged in trade, crafts, brokerage, and, most importantly, vodka and other drinking sales...”: Jews of the Taurida Province, the Alcohol Trade, Prostitution, and Antisemitism in Russian Society in the Second Half of the Nineteenth Century and Early Twentieth Centuries

Dmitry Prokhorov

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

ORCID ID: 0000-0001-9162-4705

Doctor in Historical sciences, Senior Researcher

V.I. Vernadsky Crimean Federal University

Academic V. Vernadsky avenue, 2, Simferopol, Republic of Crimea, Russia, 295007

E-mail: prohorov1da@yandex.ru

DOI 10.31168/2658-3356.2022.6

Abstract. This article analyzes a complex of archival documents and materials, legislative acts and regulations, as well as statistical data on the employment of the Jewish population in the alcohol industry. It considers the scale, degree, and form of Jewish involvement in the industry in the Russian Empire during the second half of the nineteenth and early twentieth centuries in general and the Taurida province in particular. In order to identify “the moral and economic activities of

the Jews, which adversely affect the life of the indigenous population,” provincial commissions on the “Jewish question” in Russia provided the government with proposals to solve “the problem.” This article explores two things: the legal measures that were introduced to regulate the alcohol trade; and the public sentiments which directed against this marginal part of Jewish society, which led to transformations in the social structure of the Jewish community and the strengthening of antisemitism in Russian society. Through archival documents — some of which are made available to scholars for the first time — details about Jews engaged in drinking and prostitution in the Taurida province are revealed.

Keywords: Crimea, Jews, drinking trade, prostitution, anti-Semitism, legislation

References

Bezarov, A., 2014, *Evrejskie pogromy 1881–1882 gg. v Rossijskoj imperii i krizis revoljucionnogo narodničestva* [Jewish pogroms of 1881–1882 in the Russian Empire and the crisis of revolutionary populism]. *Trudy po evrejskoj istorii i kul'ture: Materialy XXI Ezhegodnoj Mezhdunarodnoj Mezhdisciplinarnoj konferencii po iudaike* [Proceedings on Jewish History and Culture: Proceedings of the XXI Annual International Interdisciplinary Conference on Jewish Studies]. Center for Researchers and Teachers of Judaic Studies in Universities “Sefer”; ed. V. V. Mochalova. Moscow, Centr nauchnyh rabotnikov i prepodavatelej iudaiki v vuzah “Sefer” Publ., 86–96 (Akademicheskaja serija: Vol. 50).

Bogdanov, S. V., 2008, *Gosudarstvo v bor'be za trezvoe obshhestvo v nachale 1880 — nachale 1890 godov* [The state in the struggle for a sober society in the early 1880s — early 1890s]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta*. Ser. “Istorija”, 2, 56–73.

Burovskij, A. M., 2011, *Burovskij Evrejskie pogromy: skorb' po dvojnym standartam* [Jewish pogroms: mourning for double standards]. Moscow, Jauza-press Publ., 316, [2].

Gessen, Ju., 2014, *Zhizn' evreev v Rossii* [Jewish life in Russia]. Moscow, Zaharov, 336.

Klier, D., 2017, *Razvitie zakonodatel'stva o evrejah v Rossijskoj imperii (1772–1881)* [Development of Jewish legislation in the Russian Empire (1772–1881)]. *Istorija evrejskogo naroda v Rossii. Ot razdelov Pol'shi do pa-*

denija Rossijskoj imperii [History of the Jewish people in Russia. From the Partitions of Poland to the Fall of the Russian Empire], ed. I. Lur'è. Moscow, Mosty kul'tury/Gesharim Publ., 2, 23–37.

Ljove, H.-D., 2017, Ot «ispravlenija» k diskriminacii: Novye tendencii v gosudarstvennoj politike po otnosheniju k evrejam (1881–1914) [From “correction” to discrimination: New trends in public policy toward the Jews (1881–1914)]. *Istorija evrejskogo naroda v Rossii. Ot razdelov Pol'shi do padenija Rossijskoj imperii* [History of the Jewish people in Russia. From the Partitions of Poland to the Fall of the Russian Empire], ed. I. Lur'è. Moscow, Mosty kul'tury/Gesharim Publ., 2, 38–65.

Mindlin, A.B., 2006, Evrejskij vopros v dejatel'nosti N. P. Ignateva [The Jewish question in the activities of N. P. Ignatiev]. *Voprosy istorii*, 11, November, 114–123.

Prohоров, D. A., 2017, Problema evrejskikh pogromov v Rossijskoj imperii i obshhestvennoe mnenie (po materialam periodicheskoj pečati Tavricheskoj gubernii konca XIX veka) [The problem of Jewish pogroms in the Russian Empire and public opinion (based on the materials of the periodical press of the Tauride province of the late 19th century)]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo*. Ser.: “Istoricheskie nauki”, 3(69), 2, 137–146.

Serova, E. D., 2011, Zavedenija traktirnogo promysla Kryma vo vtoroj polovine XIX veka [Establishments of the tavern industry of the Crimea in the second half of the 19th century]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo*. Ser.: “Istoricheskie nauki”, 24(63), 2: specvypusk “Istorija Ukrainy”, 111–121.

Fon Kaufman, P. M., 1999, Sluzhebnaja zapiska P. M. Fon Kaufmana [Memo of P. M. Von Kaufmann], publ. by V. L. Stepanov. *Rossijskij Arhiv: Istorija Otechestva v svidetel'stvah i dokumentah XVIII–XX vv.*: Al'manah [Russian Archives: History of the Fatherland in Testimonies and Documents of the 18th–20th Centuries: Almanac], 306–322. Moscow: Studija TRITJe: Ros. Arhiv Publ., 9, 686.